

Таким образом, исторические анекдоты, собранные Михаилом Пыляевым в работах, рисуют красочную картину жизни двух российских столиц XVIII-XIX вв. Даже если эти истории не всегда достоверны, они представляют существенный интерес для историка, поскольку ярко показывают отношение москвичей и петербуржцев к тому или иному событию, к историческим личностям, к действиям и поступкам ряда знатных и монарших персон.

Библиографический список

1. История русской журналистики XVIII-XIX веков / под ред. А.В. Западова. М., 1973.
2. Плещеев А.А. Памяти М.И. Пыляева // Пыляев М.И. Замечательные чудачки и оригиналы. М., 1992. С. 38-39.
3. Пыляев М.И. Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб., 2023.
4. Пыляев М.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1887.

Е.П. Рощина

Оренбургский государственный педагогический университет

ФЕНОМЕН МОДЫ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XVIII – XIX ВЕКОВ

Русская философская мысль XVIII – XIX вв. была преимущественно религиозна, далека от земного и материального. Поэтому русские философы не уделяли моде большого внимания в отличие от западных (в Европе моду изучали А. Смит, Г. Спенсер, З. Фрейд, Г. Зиммель, В. Зомбарт, Э. Фромм, К.Г. Юнг и др.) [3, с. 12].

Согласно данным исследователя М. Фасмера термин мода начали использовать в России при Петре I [7, с. 631]. В труде «Архитектура воинская, гипотетическая...» (1709 г.) слово мода употреблено в том же значении, что и обычай [9, с. 14].

Одно из ранних упоминаний о моде можно встретить в «Письмах из Франции» Д.И. Фонвизина, опубликованных в «Вестнике Европы» (1806 г.) Писатель, рассказывая о нравах французов, говорит, что был у «Mabandes des modes» [8, с. 417] – модисток. Для автора мода – способ демонстрации достатка и богатства России. Фонвизин выделил различия в моде как критерий принадлежности к определенному социальному и культурному слою, оценил влияние моды на психологию людей. Следование моде служит для

него своеобразным маркером, по которому общество принимает или отвергает человека.

В статье «О торговле вообще» (1780-ые гг.) просветитель И.И. Новиков рассуждает о пользе моды для торговли в государстве. Она связана с тем, что постоянная смена вкусов общества приводит в движение денежные массы, увеличивает число производимых товаров [5, с. 507]. В качестве примера удачной торговой политики он вспоминает Францию и Пруссию. Новиков не порицает моду, наоборот, говорит, что экономике государства она необходима.

Сатирическая работа Н.И. Стрхова «Переписка моды, содержащая письма безруких мод...» (1791 г.) является примером того отношения к моде, которое прочно закрепится за нею на протяжении всего XIX и 1-ой половины XX вв. в России — понятие мода станет применяться в первую очередь по отношению к костюмам, зачастую в уничижительном смысле, как синоним чего-то быстро сменяемого, нелепого [6, с. 40]. В обличении причуд моды конца XVIII в. Стрхов находит прекрасную возможность для распространения идей эпохи Просвещения среди читателей.

Ф.Ф. Вигель в «Записках» (отражена 1-ая треть XIX в.) говорит о том, как в 1812 г. повсеместно изгонялись французские модистки, и зарождалась новая патриотическая мода — на все русское [2, с. 59].

Н.М. Карамзин в статье «О легкой одежде модных красавиц девятого-надесять века» жалуется на ношение популярных в ту пору платьев в стиле «нагой моды». Писатель утверждает, что недостойные люди, в частности распущенные дамы высшего света не могут быть примером для подражания: «Мы гнушаемся ужасами революции и перенимаем моды ея!» [4, с. 188]. Автора возмущает следование французской моде, падение нравов и легкомысленные любовные связи, повсеместно появившиеся. Для Карамзина мода является источником «болезней» общества и его пороков.

Литератор Г.В. Белинский рассматривал моду как явление социальное, порожденное существующими в обществе проблемами и ограничениями. В «Статьях о Пушкине» (1843 — 1846 гг., статья девятая) он упоминает о том, что женская мода в России направлена, прежде всего, на молодых девушек, главной целью которых является замужество [1, с. 473]. Для литератора мода в первую очередь следствие, а не причина «морального уродства». Понятие мода у него становится более широким, включающим не только внешние атрибуты (костюм, украшения), но и поведенческие типы (например «идеальные девы», отказывающиеся от пищи, наносящие себе порезы и ожоги).

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: Изд. Акад. Наук СССР, 1953. 753 с.

2. Вигель Ф.Ф. Воспоминания Ф.Ф. Вигеля: в 7 ч. Ч. 4. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1864. 524 с.
3. Гришаева Т.А. Мода как феномен современной культуры: автореф... дис. кан. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 24 с.
4. Карамзин Н.М. Сочинения Карамзина: в 9 т. Т. 7. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1834. 294 с.
5. Новиков Н.И. Избранные произведения / Подготовка текста, вступит. статья и коммент. Г.П. Макогоненко. М.; Л.: Гослитиздат, 1951. 744 с.
6. Страхов Н.И. Переписка моды, содержащая письма безруких мод... М.: Унив. тип., у В. Окорокова, 1791. 238 с.
7. Фасмер А. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М: Прогресс, 1986. 671 с.
8. Фонвизин Д.И. Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фон-Визина / под общ. ред. П.А. Ефремова. СПб: Типография И.И. Глазунова, 1866. 691 с.
9. Штурм Л. Архитектура воинская. Гипотетическая, и еклектическая... М.: Моск. Печат. двор, 1709. 237 с.

А.А. Гавриш

Самарский национальный исследовательский университет

УСТАНОВКА ПАМЯТНИКОВ УЧАСТНИКАМ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ КАК КОММЕМОРАТИВНАЯ ПРАКТИКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Доклад посвящен такой коммеморативной практике поздней Российской империи как возведение памятников, связанных с Кавказской войной 1817–1864 гг. На примере нескольких монументов раскрыты особенности обращения к памяти об этом конфликте, в частности, рассмотрены, во-первых, конструирование локальных воспоминаний о погибших и, во-вторых, создание больших общегосударственных мемориальных нарративов.

Памятники можно разделить условно по монументальности: от небольших памятников рядовым офицерам на братских могилах до памятников общеимперских масштабов.

«Солдатские» и «народно-казацкие» памятники были распространены по всему Кавказу, их строительством занимались, как правило, войсковые части, участвовавшие в непосредственно боевых действиях, финансовые вопросы зачастую ложились на них, т.к. инициатива и шла от них же, снизу – вверх, связано это было с их желанием отдать дань уважения сослуживцам, увековечить жертвы, которые принесены ради победы. Каждый полк